

Ощущение прикосновения к спине и дыхание живого человека, сестры Сяошэн, помогли ей осознать: это не сон. Все происходит на самом деле, она проснулась.

Сестра Сяошэн помогла ей помыться, одела ее и, взяв за руку, повела в главную комнату. Там, посреди помещения, лежал дед. Его лицо было накрыто, а сам он покоился на дверном полотне, установленном на две длинные скамьи. Над головой горела масляная лампа. В их деревне так принято держать покойника, пока не придет время класть его в гроб. Она смотрела на дедово даосское облачение — рваное, в заплатках и пятнах запекшейся крови. Затем перевела взгляд на сестру Сяошэн, которая стояла рядом, держала ее за руку и внимательно наблюдала за ней. И тут ее осенило нечто странное: сон наложился на реальность.

Или, быть может, то, что она принимала за сон, вовсе им не было?

Лу Угуй чувствовала себя словно в тумане. Вокруг суетились люди, мелькали, как призрачные тени. Сестра Сяошэн нарядила ее в траурную одежду, дала целую охапку поминальных денег и велела стоять на коленях перед алтарем и жечь их. Потом пришел мастер инь-ян, чтобы провести обряд. Он облачился в даосское одеяние, устроил алтарь, постоянно что-то бубнил, заставлял ее то падать на колени, то кланяться, отчего у нее кругом шла голова. В это время во дворе накрывали столы: нанятые повара расставили скамьи и плиты, организовав поминальный пир. Деревенские ели мясо и рыбу, а ей дали лишь миску риса, две тарелки овощей с большим количеством рапсового масла да горку солений. Велели есть за восьмиугольным столом в углу зала — мол, ей положено соблюдать пост.

Когда стемнело, люди стали расходиться, остались только две компании: во дворе играли в маджонг и карты. Мастер инь-ян сказал, что покойника должны охранять потомки, но у деда их не было, кроме нее, приемной внучки, поэтому дежурить выпало ей. Чжуан Фуцин вызвался составить ей компанию, но сестра Сяошэн отрезала, что завтра у Фуцина много дел, поэтому останется она. Вскоре сестра Сяошэн утомилась и уснула прямо в дедовом кресле-качалке. Лу Угуй, следуя наставлениям мастера, следила за благовониями и свечами, вовремя меняя огарки на новые.

Когда полночь перевалила за середину, звуки игры во дворе внезапно стихли. Вокруг воцарилась мертвая тишина.

Лу Угуй, которая уже начала клевать носом, мгновенно проснулась. Словно под чьим-то воздействием, она обернулась и увидела низкорослую хромую старуху. Та взглянула на лежащего на дверном полотне деда, затем перевела взгляд на девочку и спросила:

— Где вещи твоего деда?

Лу Угуй показалось это крайне странным: кто же приходит среди ночи и спрашивает о вещах покойника!

Внезапно у нее в глазах рябило, и показалось, будто у старухи двоится силуэт — словно за спиной притаился зверь с желтой шерстью, одетый в человеческое платье. Она протерла глаза,

присмотрелась — снова обычная старуха. Что-то здесь было не так. Она вгляделась в лицо женщины, и оно вдруг расплылось, превратившись в морду зверя. Лу Угуй вздрогнула от ужаса, но, моргнув, снова увидела лишь старушечье лицо.

Почудилось или это дух?

Она с силой потерла глаза. Старуха тем временем направилась в комнату деда, словно собираясь обыскать все сама, раз девочка не реагирует.

— Ты кто такая? — воскликнула Лу Угуй и вскочила на ноги.

Старуха остановилась у порога дедовой спальни и обернулась:

— Иди в комнату и принеси мне вещи деда.

Лу Угуй решила, что эта бабка больная: пришла среди ночи, требует вещи, а она ее даже не знает. Видя, что девочка не двигается, старуха свирепо спросила:

— Пойдешь или нет?

Ее лицо снова исказилось, превратившись в звериную морду!

Лу Угуй отпрянула, и тут ее осенило: это же хорек! Почти рефлекторно она схватила стоявшую рядом скамью и метнула в старуху.

Несмотря на преклонный возраст, та оказалась невероятно ловкой: качнулась в сторону, уклонилась, а затем, выставив руку с длинными когтями, на которой, казалось, тоже росла желтая шерсть, попыталась ее расцарапать.

Лу Угуй не испугалась — наоборот, пришла в восторг! Это была привычная ей обстановка, знакомый ритм!

Старуха хромала? Девочка, согнувшись, снова схватила скамью и с размаху ударила по здоровой ноге старухи.

Та, словно подпрыгнув на месте, взлетела на восьмиугольный стол в углу комнаты. Лу Угуй лишь увидела мелькнувшую тень: старуха совершила странный прыжок, пронеслась по воздуху и оказалась за спиной у девочки. Лу Угуй получила сильный удар в спину и вместе со скамьей рухнула прямо на деда. Боль пронзила все тело от спины до груди.

Она закатила глаза и, обернувшись, увидела, что старуха держит в руках черную как смоль кошку и жутко улыбается.

Это было слишком странно! Откуда взялась эта кошка?

Не успела она подумать, как старуха швырнула кошку прямо в деда. Животное с громким мяуканьем прыгнуло на труп. Лу Угуй, помня, что нельзя давать кошкам касаться покойника, инстинктивно попыталась перехватить ее, но не успела — кошка пробежала прямо по телу деда, наступив лапой ему на лицо.

Оживление трупа!

В ужасе Лу Угуй отпрянула назад, но тут заметила, что старуха стоит рядом с Чжуан Сяошэн и приставила свои длинные когти к ее белоснежной шее.

— Иди и принеси вещи деда, — прошипела старуха, глядя на Лу Угуй, — иначе я задушу ее. Все знают, что ты не в себе. Если она умрет, все подумают, что это ты ее придушила.

Лу Угуй испугалась и подумала: Вот же стерва, какая жестокая!

— Пойдешь? — нажала старуха на шею Сяошэн.

Лу Угуй поразились выдержке Сяошэн: вокруг драка, ее душат, а она даже не проснулась. Ладно, бабке нужны вещи. Их дом — самый бедный в деревне, никаких ценностей нет.

— Я принесу, — сказала она. — Но у деда в комнате столько всего. Что именно тебе нужно?

— Выноси все, я сама выберу, — ответила старуха.

Лу Угуй смотрела на нее во все глаза, думая про себя: Ты что, старьевщица? Краем глаза она заметила движение: дед вдруг сел, а потом с глухим стуком повалился обратно. Лу Угуй замерла.

Вдруг снаружи раздался крик:

— А-а-а!

Голос звучал так, будто человек увидел призрака! Старуха вздрогнула, обернулась и, словно улетающая, метнулась в темноту ночи.

Во дворе снова зазвучали голоса игроков:

— Пять пин! — раздался хлопок кости о стол. — Эй, рука что-то затекла.

Чжуан Сяошэн недовольно повела плечом, с трудом открыла глаза и, увидев застывшую рядом Лу Угуй, спросила:

— Который час?

Снаружи снова донесся крик:

— Черт! Черт! Встретил призрака!

Кто-то из игроков отозвался:

— Цзяньшэн, ты чего орешь? В туалете призрак?

Лу Угуй слышала голос Ло Цзяньшэна:

— Да чтоб вас! Вы сидели там полчаса не шелохнувшись, а Вэй Четвертый так и застыл с костью в руке! Это же чертовщина какая-то!

— Заткнись! Сам ты чертовщина! Пугаешь тут среди ночи!

— Цзяньшэн, кончай шутки шутить!

Услышав голоса, Чжуан Сяошэн поднялась с кресла. Лу Угуй увидела на ее шее красные полосы от когтей. Сяошэн потерла шею, подошла к порогу и спросила:

— Что случилось?

— Ничего, ничего, Цзяньшэн шутит!

Сяошэн хмыкнула, обернулась и вскрикнула от ужаса! Лу Угуй проследила за ее взглядом: белая ткань, накрывавшая деда, сползла, а поперек его ног лежала скамья. Сяошэн смотрела на нее с нескрываемым подозрением.

— Э-э... — замялась Лу Угуй. — Сюда забежала черная кошка и перепрыгнула через деда. Я кинула в нее скамью, чтобы прогнать!

Сяошэн попятилась, прислонившись к дверному косяку, и не сводила глаз с неподвижного тела Даоса Сюй.

— Иди накрой деда, — сказала она. — И убери скамью...

Лу Угуй видела, что сестра Сяошэн напугана. Сама она тоже боялась, что дед, через которого перепрыгнула кошка, сейчас вскочит и начнет прыгать, как зомби из фильмов. В дверях толпились игроки, прибежавшие на крик. Их лица были бледны. Отец Ло Сяоцзе дрожал всем телом, бормоча: Это была кошка! Кошка! А потом вдруг заорал: Черт, если кошка перепрыгнула через покойника, он же оживет!

— Замолчите! — рявкнула Чжуан Сяошэн. — Эр-я, живо накрой деда!

Лу Угуй не могла понять, чего в Сяошэн больше — страха или гнева. Скорее, того и другого. Злая сестра Сяошэн была довольно страшной. Видя, что мужики в дверях помогать не собираются, она осторожно подошла к телу. Убедившись, что дед не собирается вставать, она поправила ткань и убрала скамью.

Сяошэн облегченно вздохнула:

— Все хорошо.

Мужики, сославшись на поздний час, поспешно ретировались. Как только они ушли, воцарилась мертвая тишина.

Сяошэн терла руки, то поглядывая на Даоса Сюй, то на Лу Угуй.

— Может, не будем спать? Но завтра обряды... если не выспишься, выдержишь ли? — Она вздохнула, видя, что девочка молчит. — Ладно, ты все равно не поймешь. Хочешь спать — ложись.

— Я не дура, я все понимаю, — ответила Лу Угуй. — Я знаю, что ты мне сестра, иначе Ло Цзяньшэн не приносил бы каждый месяц рис, не давал бы мне карманные деньги, не помогал бы деду по хозяйству и не звал бы меня обедать, а ты не мыла бы меня и не одевала.

Сяошэн молча посмотрела на нее, о чем-то задумавшись, а Лу Угуй вернулась на свой коврик перед алтарем.

— Сестра Сяошэн, если боишься, иди спи в дедовой комнате, — предложила она.

Лицо Сяошэн побелело, она с трудом выдавила:

— Не надо. — Она легла обратно в кресло и просидела с открытыми глазами до самого рассвета.

Лу Угуй думала о том, что после смерти душа возвращается домой. Она хотела спросить деда, был ли он великим мастером и были ли ее сны правдой. Боясь пропустить момент возвращения души, она не сомкнула глаз до самого рассвета. Когда запели петухи, она с отчаянием прошептала: Дед так и не вернулся! Уже светает! — и, обессиленная, уткнулась в стол. — Сестра Сяошэн, я посплю немного.

Сяошэн изменилась в лице:

— Эр-я, деда больше нет. Не говори так, людей пугаешь.

— Сестра Сяошэн, ты испугалась? — спросила Лу Угуй. — Дед не вернулся, но я думаю, за семь дней он обязательно придет. Он ведь умер с открытыми глазами, я сама их закрывала. Это значит, что он не успокоился, верно? Раз не успокоился, значит, придет ко мне.

Увидев, как лицо Сяошэн побледнело, она замолчала.

Едва забрезжил рассвет, пришли повара, и двор, затихший на ночь, снова ожил.

Чжуан Сяошэн стояла у порога, глядя, как утренняя заря разгоняет тьму, и чувствовала себя так, будто между днем и ночью в этом дворе пролегла целая вечность. Она не знала, почему Эр-я была такой бодрой ночью — то ли из-за ожидания деда, то ли еще почему, но ее глаза светились неестественным блеском. Как только пропели петухи, поняв, что дед не придет, девочка сразу увяла и уснула, едва свет тронул небосвод.

Эр-я была вторым ребенком, рожденным вопреки политике планирования семьи.

Когда она была маленькой, в семье была только одна дочь, и родители, опасаясь остаться с единственным ребенком, мечтали о втором. Когда ей исполнилось девять, мать наконец забеременела. Это были девяностые — время жесткого контроля. Чтобы выносить ребенка, мать не выходила из дома, пряталась от всех. Когда дед скончался и начались похороны, приехали родственники и соседи, и скрыть восьмимесячный живот стало невозможно. После похорон пришли сотрудники комитета по планированию семьи. Семья была бедна: чтобы устроить проводы деду, они продали единственную свинью и залезли в долги. Денег на штраф не было. В тот день, вернувшись из школы, она увидела родителей, молящих о пощаде, а потом мать насильно увезли в больницу, и отец стоял на коленях перед входом, умоляя...

Вокруг собралась толпа. Она слышала, как люди шептались: длинная игла пронзает живот, проникает в мозг плода, и тот умирает — так делают аборт...

Стоя в коридоре больницы, она слышала душераздирающие крики матери. Когда чиновники ушли, врач вышел и сказал, что ребенок жив.

Сначала она обрадовалась, но потом услышала разговоры: раз игла попала в голову, ребенок останется дурачком, лучше бы он умер.

Когда она впервые увидела Эр-ю, та была завернута в отцовский серый френч. Голова размером с кулак, сморщенная, красная, глаза — узкие щелочки. Выглядела она жалко.

В ее памяти рождение Эр-и не было радостным событием — только отцовская печаль, материнские слезы и всеобщее сочувствие.

С самого рождения Эр-и она поняла: сестра не сможет жить самостоятельно, забота о ней ляжет на ее плечи. Эр-я не плакала, не смеялась, смотрела в одну точку. Мать пыталась морить ее голодом, чтобы проверить реакцию — та не издала ни звука. Лишь к году Эр-я начала двигать руками и ногами, издавая бессмысленные звуки. К трем годам она не умела ходить, даже ползать, и постоянно болела.

Самый тяжелый случай был в три года. В тот день, на выходных, после недели болезни, у Эр-и остановилось дыхание.

Поскольку все привыкли к ее состоянию, семья была готова к худшему. Печаль была, но и чувство облегчения — для всех это был конец мучений.

Она жалела сестру: прожить три года дурочкой, без имени, без регистрации, даже без права на гроб. По обычаю, таких детей хоронят на обочине. Но в деревне земля была ценностью, и ребенка отвезли за пять-шесть миль, в Дикий горный лог. Это была пустынная местность с каменистой почвой, где ничего не росло, полная старых могил и слухов о призраках.

Отец завернул Эр-ю в старую одежду, а она взяла мотыгу. Шли сорок минут. Лог зарос колючим кустарником, деревья были редкими и чахлыми. Отец начал копать яму на обочине. Почва была каменистой, копать было трудно, за час вырыли лишь фут глубины.

Она сидела рядом, развернула одежду и смотрела на Эр-ю. Та выглядела как спящая. Была осень, тело еще сохраняло тепло.

В этот момент на перекрестке показался человек и спросил, что они делают. Это был Даос Сюй, звонарь местной школы.

Отец, тяжело дыша, ответил:

— Дочка моя умерла, пришел похоронить.

Даос Сюй подошел, посмотрел на них, потрогал лицо Эр-и, засунул руку под одежду и сказал:

— Сердце еще теплое, дыхание есть. — Он добавил: — Вы ее не выходите. Отдайте мне.

Отец заколебался:

— Она же дурочка.

Даос Сюй ответил:

— Знаю. Сделаем так: я заберу ее. Выживет — будет моей, не выживет — придете и закопаете.

<http://bllate.org/book/19149/1880533>